

А. Р. Гизатуллина, М. И. Гумерова
Казань, Россия

ИДЕОЛОГЕМЫ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОГО ПЕРИОДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО СОЗНАНИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (на материале газеты «Известия»)

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено осмыслению идеологической системы постперестроечного периода: методом сплошной выборки выделены и рассмотрены ключевые идеологемы в публицистическом дискурсе на материале газеты «Известия» за 1992 год. Применены описательный метод, метод сплошной выборки материала, количественные методы, метод семантико-когнитивного анализа. Осуществлена систематизация выделенных идеологем по различным основаниям (с точки зрения актуальности/неактуальности в современной идеологической картине мира, с точки зрения употребления и понимания носителями языка, с учетом прагматического компонента), охарактеризовано значение выделенных идеологем и выявлена их значимость в анализируемый период на материале газеты «Известия». Ведущие «демократические» идеологемы не легли в основу современного политического дискурса, поскольку не были оправданы обещания о «золотом демократическом будущем». Результаты данного исследования могут быть применены для дальнейшего теоретического осмысления феномена возникновения постсоветского политического мифа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеологема; демократия; Ельцин; гайдарономика; СССР; Крымский вопрос; интеграционные и дезинтеграционные идеологемы; православная церковь и государство.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гизатуллина Азалия Ришатовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет; адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: azaliya_rysh@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гумерова Милена Ильдаровна, студентка, кафедра русского языка и прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет; адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: netzvaanova@gmail.com.

Лингвосоветологи именно 1992 г. считают точкой отсчета начала исследований современного политического языка [Будаев 2009: 16]. Это конец перестройки и начало новой эпохи для страны с тоталитарным прошлым и плановой экономикой. Разрушение советского мифа привело к смене общественных мировоззренческих принципов, ценностей на противоположные, рассматриваемые прежде как «враждебные». Вместе с тем происходил процесс моделирования новых основ мировоззрения россиян (на языковом уровне — за счет единиц, содержащих идеологический компонент), и немалую роль в этом сыграли СМИ. Исследователи отмечают усиление влияния неинституциональных направлений в политическом дискурсе, в частности, публицистического [Ненашев 1999: 3]. Борьба за политическую власть перемещается в виртуальную плоскость информационных войн, и победу одерживает сила, которой удалось навязать свою идеологически ориентированную «картину мира», т. е. миф [Горбатова 2004: 3; Почепцов 2000: 12—13; Цуладзе 2003: 5—6]. Исследованию идеологем советского и постсоветского периодов посвящен ряд работ [Барсукова 2010; Гусейнов 2002; Купина 1995, 2003; Кутенева 2008 и др.], при этом актуальным является исследование идеологической системы в перестроечный (Дж. Данн говорит о значительных языковых изменениях на этом этапе [Данн 2009: 274]) и постперестроечный периоды для выявления характера изменений, произошедших в ней.

Газета «Известия» была избрана в качестве материала исследования по признаку охвата аудитории (общенациональное советское и российское общественно-политическое и деловое ежедневное издание), а также поскольку с политической точки зрения она позиционирует себя как независимое издание, в котором высказываются как «подконтрольные» власти мнения, так и оппо-

зиционные, что, на наш взгляд, дает более полноценное и живое отражение постсоветского дискурсивного пространства.

При определении статуса идеологемы Е. А. Нахимова выделяет два основных подхода — лингвистический и лингвокогнитивный [Нахимова 2011: 153]. Мы разделяем взгляды Е. Г. Малышевой [Малышева 2009: 34], Е. А. Нахимовой [Нахимова 2011: 153], Н. И. Клушиной [Клушина 2014: 57] на природу идеологем (обращаясь, таким образом, по типологии Е. А. Нахимовой, к лингвокогнитивному подходу) и предлагаем следующее определение идеологемы: идеологема — ментальная единица, в состав которой входит идеологический (имеющий целью сформировать заданное представление о политической действительности) компонент, и которая реализуется и актуализируется в тексте и дискурсе (общем и частных), обычно словом или устойчивым сочетанием.

В качестве обязательных признаков идеологемы мы выделяем: 1) аксиологичность [см.: Журавлев 2004: 7] / идеологичность [см.: Клушина 2014: 56—57] (способность определять мотивацию поступков, формировать картину мира); 2) оценочность [Вепрева 2006: 122] и 3) повторяемость, актуализацию в пределах дискурса, мета-контекста [Журавлев 2004: 21].

На основании вышеприведенного определения, названных признаков идеологемы в номерах газеты «Известия» за исследуемый период было выявлено 8 наиболее значимых (с точки зрения частотности и актуальности в исследуемом политическом дискурсе) групп идеологем, относящихся к перестроечному периоду: «Демократия» (367 употреблений), «Ельцин» (244 употребления), «Гайдарономика» (345 употреблений), «СССР» (253 употребления), «Крымский вопрос» (89 употреблений), «Православная церковь и государство» (33 употребления), интеграционные идеологемы (122 употребления), дезинтеграционные идеоло-

гемы (205 употреблений). Общее количество идеологических употреблений — 1658 единиц.

Для систематизации идеологем могут быть применены различные подходы. В рамках проводимого нами исследования мы сочли логичным обратиться к классификации идеологем по нескольким основаниям на базе предложенных Е. А. Малышевой: 1) с точки зрения актуальности / неактуальности в современной идеологической картине мира; 2) с учетом прагматического компонента; 3) с точки зрения сферы употребле-

ния и понимания носителями языка [Малышева 2009: 37].

С точки зрения актуальности/неактуальности в современной идеологической картине мира Е. Г. Малышева выделяет идеологемы-историзмы, новоидеологемы (современные идеологемы), реактуализованные идеологемы, универсальные идеологемы.

Выделенные нами в газете «Известия» идеологемы могут быть распределены, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Название идеологемы	Типы идеологем с точки зрения их актуальности	Пояснение
Демократия	Универсальная идеологема	Для рассматриваемого периода в истории России являлась новоидеологемой с дополнительным значением оппозиции партийной системе ЦК КПСС
Ельцин	Идеологема-историзм	Для рассматриваемого периода являлась новоидеологемой
Гайдариномика	Идеологема-историзм	Тесно связана с идеологемой «Гайдар»; для рассматриваемого периода являлась новоидеологемой
СССР	Идеологема-историзм	Возрождение деактуализированной идеологемы в отрицательном значении в связи с новой идеологической ориентацией
Интеграционные	Универсальная идеологема	Группа идеологем связана с оппозицией «свои — чужие»
Дезинтеграционные	Универсальная идеологема	Группа идеологем связана с оппозицией «свои — чужие»
Крымский вопрос	Реактуализованная идеологема	Связана с оппозицией «свои — чужие»
Православная церковь и государство	Реактуализованная идеологема	Возрождение деактуализированной идеологемы с наполнением новым содержанием

Таблица 2

Название идеологемы	Положительная коннотация	Отрицательная коннотация	Смешанная коннотация
Демократия	57%	23%	20%
Ельцин	84,4%	12,7%	2,9%
Гайдариномика	19,1%	36,5%	44,4%
СССР	1,6%	98%	0,4%
Интеграционные	95%	5%	—
Дезинтеграционные	100%	—	—
Крымский вопрос	5,6%	92,1%	2,3%
Православная церковь и государство	87,9%	12,1%	—

Классификация идеологем по принципу актуальности позволяет выявить значимые идеологемы для конкретного периода (в нашем случае, постперестроечного), а также «долгоиграющие», актуальные в течение длительного времени идеологемы, что позволяет обнаружить происходящие с ними семантико-когнитивные трансформации.

С учетом прагматического компонента Е. А. Малышева определяет идеологемы по параметру оценочного потенциала, с нашей точки зрения, лежащего в основе идеологизации единиц языка: ею выделяются идеологемы с положительным, отрицательным и смешанным аксиологическим модусом. Для определения модусности мы рассмотрели коннотации идеологем, приобре-

таемые в соответствующих контекстах газеты «Известия» (см. табл. 2).

Как явствует из таблицы, анализируемые идеологемы в газете «Известия» наделены различной оценочностью. При этом дезинтеграционные идеологемы обладают абсолютно положительной (100 % употреблений) оценочностью и характеризуются положительным аксиологическим модусом, остальные — смешанным аксиологическим модусом: идеологема «СССР» — практически абсолютно отрицательной оценочностью (98 % употреблений), идеологема «Ельцин» в львиной доле употреблений — с положительной оценкой (84,4 %). Это существенные показатели тех процессов, которые происходили в описываемый период: дифференциация «СССР» и

«России» с негативной оценкой происшедшего в СССР. Вырисовывается схема становления нового политического мифа: от темного партийного прошлого к светлому будущему во главе с сильным демократическим лидером — Борисом Ельциным.

Таким образом, с точки зрения сферы употребления и понимания носителями языка рассматриваемые идеологемы распределяются следующим образом: 1) общепотребительные, понимаемые по-разному («Демократия», «Ельцин», «Крымский вопрос», «Гайдариномика», «СССР», интеграционные, «Православная церковь и государство»); 2) общепотребительные, понимаемые одинаково (дезинтеграционные).

Опишем особенности функционирования анализируемых идеологем более детально.

Идеологема «Демократия» являлась ведущей в постсоветском дискурсе, поскольку именно она установила ключевую ориентацию оппозиции «свои — чужие». Благодаря ее функционированию происходило разрушение советского мифа. Вследствие этого семантика слова «демократия» приобрела новую коннотацию — оппозиции ЦК КПСС: *Наше студенчество в годы перехода от тоталитарных и авторитарных структур к демократии было на стороне демократических, прогрессивных идей* (Изв. 1992, 53,03; здесь и далее для ссылок на цитаты используется следующая краткая форма: название газеты «Известия», год издания, номер выпуска, месяц выпуска).

Между тем идеологема «демократия» повествует о приобщении постсоветского дискурса к западному: *Сегодня Россия и США привержены демократии и экономической свободе* (Изв. 1992, 28,02); *Синий, белый, красный — это цвета свободы и демократии. Наши флаги символизируют демократические ценности, ради которых Россия и Америка наконец смогли объединиться в демократическом партнерстве* (Изв. 1992, 139,06).

Семантика идеологемы «демократия» также тесно связана с понятием свободы: *Демократия — свобода духа* (Изв. 1992, 92,04); *Люди по-прежнему дорожат свободой слова, гласностью, независимостью прессы* (Изв. 1992, 46,02); *Демократия немыслима без свободы слова* (Изв. 1992, 161,07).

Обращенность данной группы идеологем к будущему свидетельствует о ее ключевой роли на данном этапе в формировании постсоветского мифа, так как подавляющее их количество объясняется разрушением советского мифа и необходимостью утверждения новой, *демократической мифологии* в общественном сознании. Демократический миф вырос из тоталитарного, но он же его и разрушил: *Партия КПСС — повальная бабка демократии в России* (Изв. 1992, 157,07); *А если демократия зелена, желторота и всюду в ней торчат острыми углами максимализм воспитанного тоталитаризмом сознания?* (Изв. 1992, 184,08)

Идеологема «Ельцин» создавалась в целях рекламы действующей власти для объяснения «простому человеку» личности президента — бунтаря и радикала, разрушившего советский тоталитарный бастион. Образ Ельцина как «жертвы КПСС» акцентировала Н. С. Щербинина

[Щербинина 1998: 48], мы же считаем важным выделить образ демократа-освободителя и триумфального победителя диктата ЦК КПСС: *Ельцин — разрушитель советских бастионов* (Изв. 1992, 131,06); *Президент России постоянен в своей непредсказуемости* (Изв. 1992, 106,05); *Глава государства — настоящий бунтарь, который не исчерпал поле для маневра* (Изв. 1992, 187,08); *Ельцин открывает ворота российского рынка* (Изв. 1992, 257,11).

Образ президента Ельцина также ассоциировался с образом доброго батюшки-царя (национальным архетипом) [Цуладзе 2003: 84; Шейгал 2000: 132]. Семантика данной идеологемы раскрывается в сюжетно развернутом повествовании о «Путешествии президента России в мире» и «Путешествии Ельцина по России»: *Севастопольцы просят Бориса Ельцина принять Черноморский флот под юрисдикцию России как правопреемницы России* (Изв. 1992, 07,01); *Прибыв в Ульяновск, Борис Ельцин <...> попросил ульяновцев потерпеть шесть-восемь месяцев, изменения в экономике должны произойти* (Изв. 1992, 08,01); *Президенту пришлось тут же давать поручение нижегородскому губернатору области разобраться с грабительскими ценами* (Изв. 1992, 09,01).

Между тем в теории карнавала М. М. Бахтина существует вариант «обратного» поведения: король становится ненадолго шутом и наоборот [Бахтин 1965: 94]. Мы отмечаем сходную ситуацию — демократический дискурс дает возможность критике «короля», поскольку «король» смещается на более низкие позиции. В связи с этим идеологема «Ельцин» обладает аксиологической амбивалентностью. Трепет и преклонение перед властью легко переходят в отчуждение от власти, страх перед нею, в крайние формы протеста, ненависть к ее конкретным носителям и представителям [Солопова 2007: 55]: *Борис Николаевич, вы россияне обманули, все, что можно было разрушить, вы уже разрушили, больше разрушать нечего* (Изв. 1992, 85,04); *Б. Ельцин открывал Америку в Саратове, хотя мог бы зайти в продмаг по соседству* (Изв. 1992, 27,02); *У президента словеса об „интересах народа“ и демократии не выдерживают столкновения с номенклатурными рефлексамми* (Изв. 1992, 175,08). Появление в СМИ идеологем, десакрализирующих влияние идеологемы «Ельцин», привело к рождению еще одной активно функционирующей коннотации — «Борис Ельцин как борец за правое дело»: *Даже в Российском парламенте Ельцину постоянно ставят какие-то препоны* (Изв. 1992, 148,06); *Ельцин готов отбить очередную атаку непримиримой оппозиции, защитить реформу* (Изв. 1992, 236,10).

Данная идеологема вошла впоследствии в политический фольклор, что свидетельствует о мифологизации образа Ельцина по прошествии времени.

Идеологема «СССР» в политической риторике постсоветского дискурса связана с переосмыслением семантики данного прецедентного феномена в соответствии с новой идеологической ориентацией: *Советский Союз — империя зла, кровавая эпоха, бесчеловечный строй,*

нравственный беспредел (Изв. 1992, 01,01); *Позади темный период нашего прошлого, страхи и унижения* (Изв. 1992, 01,01).

Идеологемы данной группы были направлены на десакрализацию советской и утверждение демократической системы ценностей. Для дискредитации враждебной силы демократами использовалась дискурсивная стратегия эксплицитной аннигиляции, т. е. открытого вербального «уничтожения» врага, реализующегося через тактику принижения [Шейгал 2000: 197]. Коммунист превращается из абсолютно положительного в абсолютно негативного героя, а партия предстает в гиперболизированном образе «больного монстра»: *КПСС — это некий монстр, захвативший власть в стране, вобравший в себя государство подчинивший себе все сущее на одной шестой части нашей Земли* (Изв. 1992, 158,07); *Большевизм — социально-духовный недуг; Система против собственного народа, который она десятилетиями методично истребляла, подобно мифической Медузе горгоне, поедаящей своих детей* (Изв. 1992, 98,04).

Значительный пласт идеологем объясняет историю недавнего советского прошлого, разоблачает преступления и просчеты коммунистов: *Освоение Севера было неумным, безбашенным, как и вся советская жизнь* (Изв. 1992, 159,07); *Советское руководство велело взорвать подлодку У-137 вместе с экипажем* (Изв. 1992, 23,01); *Катынь — злодеяние высшего руководства партии большевиков* (Изв. 1992, 228,10); *Уже первые несколько десятков документов из архива ЦК КПСС, попавшие в руки журналистов, открывают довольно коварные и жесткие нравы гуманистов от коммунизма: нелегальная переброска валюты, финансовая помощь фирмам друзей, активное влияние (а во многих случаях и откровенное вмешательство)* (Изв. 1992, 139,06).

Негативно стали восприниматься и идеологемы-антропонимы советского руководства, которые были перемещены в область «чужих»: *М. Горбачев — преступник всех времен и народов* (Изв. 1992, 236,10); *Горбачев был в плену марксистского исторического оптимизма и не в ладах с правдой* (Изв. 1992, 23,01); *Брежневская совдепия* (Изв. 1992, 07,01); *Хрущев — крымский волонтерист* (Изв. 1992, 162,07); *Разве не абсурдно поступил Хрущев, под влиянием минуты взяв и „подарив“ Украине Крым?* (Изв. 1992, 20,01).

Таким образом, денотативное ядро идеологемы «СССР» из этой группы теряет прежнее положительное содержание и приобретает в постсоветском дискурсе крайне отрицательное.

Идеологема «Гайдарономика» знаменовала поворот к западным ценностям, а именно к экономической свободе. У этой идеологемы великий удельный вес употреблений со смешанной оценкой (40 %). Поскольку постсоветский миф в 1992 г. находился в процессе становления, у идеологемы «рыночная экономика» четко прослеживается феномен смысловой неопределенности денотата: *Мы обязательно придем к нормальному состоянию потребительского рынка, которое в цивилизованном мире определяется словами „много и дешево“* (Изв. 1992, 188,08); *Благо, если*

гибрид регулируемой системы и рынка даст нормального Кентавра, а не какую-нибудь особую его мутацию из двух лошадиных крупов или двух человеческих голов (Изв. 1992, 270,12).

Контекстуальная фантомность данного понятия — это прием, затрудняющий эффективный контроль за выполнением взятых обязательств и позволяющий успешнее «лавирировать» [Ключарев 1995: 214]. Благодаря неопределенности конечного результата реформ (достижения рыночной экономики в России) и отсутствию исторического опыта практики экономической свободы, закрепленной в стереотипном мышлении россиян, можно сказать, что, пожалуй, лучше всего идеологема обозначилась в метафоре *русская рулетка российской реформы* (Изв. 1992, 23,01).

Между тем поворот к рынку знаменовал шаг к демократизации общества и приобщение к «цивилизованному» миру. Впоследствии приобщение к «цивилизованному» миру и его ценностям (рыночным отношениям) стало одним из основных компонентов национальной идеи и постсоветского мифа [Цуладзе 2003: 227]: *Откладывание приватизации может обернуться опозданием на поезд истории* (Изв. 1992, 82,04); *Российской Федерации нет иного пути, кроме того, чтобы твердо придерживаться рынка* (Изв. 1992, 187,08); *Мы рано или поздно вернемся на тот путь, которым идем сегодня* (Изв. 1992, 13,01).

Интеграционные идеологемы не отвечали политическим интересам национальных лидеров стран СНГ, кроме того, в постсоветском дискурсе отсутствовала идеологема «нерушимая дружба народов» [Клушина 1996: 38—39], поэтому низкая частотность данной группы идеологем вполне закономерна.

Однако внутри Российской Федерации для консолидации многонационального населения действовала идеологема, представляющая националистов как враждебную силу, которая сплотилась с некоммунистами для нелегитимного захвата власти: *Взрыв национализма — результат той дьявольщины, которая существовала в нашем Отечестве 70 лет* (Изв. 1992, 148,06); *Национал-патриоты и некоммунисты выведут на улицы домохозяек, гремящих пустыми кастрюлями* (Изв. 1992, 46,02). Данные внутриинтеграционные (внутри единого государства) идеологемы строятся традиционно на основе оппозиции «свои — чужие».

Интеграционные идеологемы ориентированы либо на будущее, либо на прошлое. Если советские интеграционные идеологемы воодушевляли за счет светлой далекой цели, к которой можно прийти только с помощью кооперации, то интеграционные идеологемы постсоветского дискурса сосредоточены на прошлом (общие ценности, история): *Между тем бытовая отчужденность между русскими и украинцами не идет дальше анекдотов про хохлов и москалей. Русские и украинцы никогда не чувствовали друг в друге врага, хотя бы и потенциального* (Изв. 1992, 31,02); *Наши народы связывает традиционная и давняя дружба* (Изв. 1992, 104,05).

Дезинтеграционные идеологемы наводнили СМИ в 1992 г. в связи с неутрачиваемыми межнациональными конфликтами, свидетельствующи-

ми о процессе пробуждения национальных интересов и начале формирования национального мифа, поскольку «идеология насаждает господствующую систему ценностей, которая отражается в семантике мифологем» [Шейгал 2000: 183]. Они создают образ этнического врага и служат средством выражения агрессии: *Россия распадается на множество частей, начиная от окраины и почти до центра. Татары казанские, крымские и кавказские разорвут ее по клочкам* (Изв. 1992, 169,07); *Есть отчетливые признаки того, что Россия начинает разваливаться по „союзному сценарию“* (Изв. 1992, 78,04).

Как отмечал А. М. Цуладзе, Россия в эпоху Ельцина (а затем и Путина) единственная из стран СНГ не создала нового «национального мифа». Между тем он отмечал стойкость и экспансионизм тенденции, связанной с попыткой возрождения империи на национальной почве [Цуладзе 2003: 231]. Практический материал «Известий» наглядно иллюстрирует эту тенденцию.

Экспансия национальных идеологем связана также с неухаживающими национальными конфликтами, поскольку на уровне национального строительства декларируется идея «титულიной нации», все остальные народы должны проникнуться этой идеей: *В Тбилиси разгул армии 9 апреля 1989 стал причиной того, что единственный национализм просвещенного и обаятельного грузинского народа перерос в шовинистическую форму и привел к власти Гамсахурдиа, фюрерские задатки которого интеллигенция не могла не знать* (Изв. 1992, 20,01); *Западная Украина традиционно считается колыбелью национальной идеи и опорой „Руха“* (Изв. 1992, 85,04).

В России этот процесс поддерживался идеологемой «Россия — правопреемница СССР», апеллирующей к прежней былой мощи государства. Данная идеологема начала возрождать архетипический образ православного народа-богоносца [Жданова 2011: 35; Цуладзе 2003: 193], обладающего уникальными духовными качествами, которые позволяют ему претендовать на ведущую роль среди государств СНГ: *Знак времени: мининдел Ватикана монсиньор Торан заявил российскому послу Юрию Карлову, что именно Россия является преемницей Советского Союза* (Изв. 1992, 01,01); *Россия остается правопреемницей СССР, только она вправе остаться ядерной державой в СНГ* (Изв. 1992, 08,01); *Неудобно напоминать известное школьникам, но приходится: Российская Федерация в бывшем СССР весила больше, чем остальные республики вместе взятые* (Изв. 1992, 26,01).

Однако идеологема «Россия — правопреемница СССР» негативно оценивалась в постсоветском пространстве: *СНГ начало готовить обращение к НАТО, призывая защитить от российского империализма* (Изв. 1992, 270,12); *Грузины сплотятся против имперского врага, каковым теперь — и либералы, и консерваторы — полагают Россию* (Изв. 1992, 144,06); *Россия, вон из Бессарабии!* (Изв. 1992, 146,06)

Противоречия национальных интересов и стремление к лидерству повлекли обострение отношений между ведущими государствами СНГ — Россией и Украиной.

Идеологема «Крымский вопрос». В 1992 г. провозглашается нелегитимным захват Украиной Крымского полуострова. Поскольку была объявлена нелегитимность советской власти, то решение о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, принятое советским руководством в 1954 г., должно было быть представлено как волюнтаристский акт со стороны советского руководства: *В том, что этот „царский подарок Украине от России“ был одним из проявлений знаменитого хрущевского волюнтаризма — сомневаться не приходится. Как не приходится сомневаться и в „волюнтаризме“ (а проще говоря — произвольности) проведения большинства границ между бывшими союзными, а ныне суверенными республиками-государствами СССР-СНГ* (Изв. 1992, 31,02); *Более чем очевидно, что Крым, 60 % населения которого составляют русские и который вошел в состав Украины лишь в 1954 году, в конечном счете станет частью России* (Изв. 1992, 16,05); *Мало кто считает Крым украинской территорией* (Изв. 1992, 05,01).

Наиболее четко формулируется идея о незаконном захвате территории и флота, находящего на территории Крымского полуострова: *Севастопольцы не хотят присягать желто-голубому флагу <...> Севастопольцы попросили Б. Ельцина принять Черноморский флот под юрисдикцию России как правопреемницы СССР* (Изв. 1992, 06,01); *Независимое и суверенное государство Россия ссылается на историческое происхождение флота <...> Вопрос: если одно государство — член Содружества может так просто присвоить общие корабли, где гарантия насчет всего остального?* (Изв. 1992, 10,01)

Для поддержания данной идеологемы появилась идеологема-антропоним, дискредитирующая имидж украинского президента: *Правительство Кравчука — симбиоз партийных аппаратчиков и националистов* (Изв. 1992, 07,01); *Кравчук — бывший ведущий идеолог компартии, находится под давлением националистической группировки „Руха“* (Изв. 1992, 05,01). Президент Украины имплицитно противопоставляется «нашим», потому что был приобщен к главным врагам демократии — неокommунистам и националистам. В связи с этим закрепляется отрицательный имидж украинского лидера, который по прошествии времени перерастает в стереотип.

Группа идеологем «Православная церковь и государство» появилась во время разрушения советского мифа и идеологии в связи с восстановлением статуса православия как государственной религии. Между тем обращение к Православной церкви стало необходимым шагом не только для консолидации россиян, потерявших объединяющую идеологию. Исследовательница Н. Г. Щербинина отмечала, что сотрудничеством с Церковью новая власть знаменовала попытку воскрешения российского как христианского [Щербинина 1998: 51]: *Дореволюционная Россия, входившая в число богатейших держав мира, была крепка традициями и культурой православия* (Изв. 1992, 260,12).

Действующей власти необходима была авторитетная поддержка, легитимизирующая дейст-

вующую власть, не обладающую достаточным идеологическим инструментарием для этого: *Широкомасштабные торжества, с которыми в России отмечалась Пасха Христова, были организованы явно не без государственного содействия, призванные продемонстрировать не только христианскому, но и всему остальному миру крепнущую связь между демократической властью и православной церковью* (Изв. 1992, 115,05); *На Русском Севере народ предпочитает ходить в церкви, а не на митинги протеста* (Изв. 1992, 260,12).

Сотрудничество с Церковью — это, с одной стороны, консолидация российского населения на основе религиозной общности, а с другой — авторитетная поддержка власти. Начало взаимодействия обоих институтов было основано на том, что и Православная церковь, и демократические силы находились в прошлом под диктатом общего врага — ЦК КПСС: *26 апреля — первая Пасха без коммунистов* (Изв. 1992, 98,04); *Болезнь тоталитаризма, поразившая тело церкви, не затронула ее душу* (Изв. 1992, 98,04).

Идеологемы как ключевые номинации мифологемы выступают основой для мифологизации сознания [Вепрева 2006: 125]. И те, и другие влияют на преобразование существующей картины политического мира. За сменой политического дискурса в начале 90-х годов последовал процесс переосмысления и конструирования новых центральных идеологем, ставших ядром нарождающихся мифологем. В перспективе целью является выявление и описание специфики политической мифологической системы в означенный период.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсукова В. В. Об изменениях тоталитарного дискурса в советскую эпоху // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 65—69.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/index.htm> (дата обращения: 19.08.2015).
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Возникновение и эволюция лингвистической советологии // Лингвистическая советология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2009. С. 14—87.
- Вепрева И. Т., Шадрина Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессор Урал. ин-та экономики, управления и права. — Екатеринбург, 2006. Вып. 3. С. 120—131.
- Горбатова Н. В. Феномен мифологии в политической жизни России. URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen>

A. R. Gizatullina, M. I. Gumerova
Kazan, Russia

POST-PERESTROIKA IDEOLOGEMES AS A FACTOR OF FORMATION OF NEW CONSCIOUSNESS: GENERAL CHARACTERISTICS (based on the materials of the «Izvestia»)

ABSTRACT. The article is devoted to understanding the ideological system of the post-perestroika period. The key ideologies in the journalistic discourse of the newspaper «Izvestia» in 1992 are identified and reviewed with the help of the continuous sampling method. The descriptive method, the method of continuous sampling, quantitative methods and the semantic-cognitive method are used. The ideologies are selected on the basis of various grounds (relevance / irrelevance in the modern ideological worldview, usage and understanding of the native language and pragmatics). The authors characterize the value and the importance of the selected ideologies in the newspaper «Izvestia» in the abovementioned period and provide their systemic description. The leading «democratic» ideologies do not form the basis of the modern political discourse because the promises of a «golden democratic future» have not been justified. The results of this study can be applied to further theoretical understanding of the emergence of the post-Soviet political myth.

KEYWORDS: ideology; democracy; Yeltsin; gaidaronomika; Soviet Union; problem of Crimea; integration and disintegration ideologies; Orthodox Church and the state.

ABOUT THE AUTHOR: Gizatullina Azaliya Rishatovna, Candidate of Philology, Assistant Lecturer of Department of the Russian Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia.

mifologii-v-politicheskoi-zhizni-rossii-90-e-gg-xx-veka (дата обращения: 21.08.2015).

6. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов : дис. ... д-ра культурологии. — М., 2002.

7. Дани Дж. Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца // Лингвистическая советология / Будаев Э. В., Чудинов А. П. — Екатеринбург, 2009. С. 274—291.

8. Жданова Т. Ю. Русская православная церковь и идеологическое проектирование в современной России: предпосылки, реализация, перспективы. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-ideologicheskoe-proektirovanie-v-sovremennoy-rossii-predposylki-realizatsiya-perspektivy> (дата обращения: 19.08.2015).

9. Журавлев С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2004.

10. Известия. 1992. Январь — декабрь. №1—281.

11. Клушина Н. И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты // Русская речь. 1996. № 5. С. 36—41.

12. Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54—58.

13. Ключарев Г. А. Языковая реальность и политический имидж // Обновление России: трудный поиск решений. — М., 1995. Вып. 3. С. 211—216.

14. Купина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург, 2003. Вып. 11. С. 93—101.

15. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург ; Пермь, 1995.

16. Кутенева Т. А. Смысловая динамика идеологем советской эпохи (от идеологии, пропаганды и агитации до пиара) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2008.

17. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.

18. Ненашев М. Ф. Иллюзии свободы. Российские СМИ в эпоху перемен (1985—2009). URL: http://royallib.com/book/nenashev_mihail/illyuzii_svobod_rossiyskie_smi_v_epohu_peremen_1985_2009.html (дата обращения: 21.08.2015).

19. Почепцов Г. Г. Психологические войны. — М. ; Киев : Рефл-бук ; Ваклер, 2000.

20. Солопова О. А. Врата грядущего: утопия и реальность. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/solopova-07.htm> (дата обращения: 19.08.2015).

21. Цуладзе А. М. Политическая мифология. — М. : Эксмо, 2003.

22. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2012. URL: http://znanium.com/book_read.php?book=490457 (дата обращения: 30.03.2015).

23. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.

24. Щербинина Н. Г. Политика и миф // Вестн. Моск. ун-та. 1998. № 12. Март — апр. С. 43—55.

ABOUT THE AUTHOR: *Gumerova Milena I'darovna, Student, Department of the Russian Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia.*

REFERENCES

1. Barsukova V. V. Ob izmeneniyakh totalitarnogo diskursa v sovetskuyu epokhu // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2010. Vyp. 2 (8). S. 65—69.
2. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/index.htm> (data obrashcheniya: 19.08.2015).
3. Budaev E. V., Chudinov A. P. Vozniknovenie i evolyutsiya lingvisticheskoy soveto-logii // Lingvisticheskaya soveto-logiya / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2009. S. 14—87.
4. Vepreva I. T., Shadrina T. A. Ideologema i mifologema: interpretatsiya terminov // Nauchnye trudy professorov Ural. in-ta ekonomiki, upravleniya i prava. — Ekaterinburg, 2006. Vyp. 3. S. 120—131.
5. Gorbatova N. V. Fenomen mifologii v politicheskoy zhizni Rossii. URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-mifologii-v-politicheskoi-zhizni-rossii-90-e-gg-xx-veka> (data obrashcheniya: 21.08.2015).
6. Guseynov G. Ch. Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh godov : dis. ... d-ra kul'turologii. — M., 2002.
7. Dann Dzh. Transformatsiya russkogo yazyka iz yazyka sovetskogo tipa v yazyk zapadnogo obraztsa // Lingvisticheskaya soveto-logiya / Budaev E. V., Chudinov A. P. — Ekaterinburg, 2009. S. 274—291.
8. Zhdanova T. Yu. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i ideologicheskoe proektirovanie v sovremennoy Rossii: predpo-sylki, realizatsiya, perspektivy. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-ideologicheskoe-proektirovanie-v-sovremennoy-rossii-predposylki-realizatsiya-perspektivy> (data obrashcheniya: 19.08.2015).
9. Zhuravlev S. A. Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kazan', 2004.
10. Izvestiya. 1992. Yanvar' — dekabr'. №1—281.
11. Klushina N. I. Mifologizatsiya rechevykh sredstv v yazyke sovremennoy gazety // Russkaya rech'. 1996. № 5. S. 36—41.
12. Klushina N. I. Teoriya ideologem // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 54—58.
13. Klyucharev G. A. Yazykovaya real'nost' i politicheskii imidzh // Obnovlenie Rossii: trudnyy poisk resheniy. — M., 1995. Vyp. 3. S. 211—216.
14. Kupina N. A. Ideologemy kak klyucheveye edinit'sy politicheskogo yazyka // Lingvistika : byul. Ural. lingv. o-va. — Ekaterinburg, 2003. Vyp. 11. S. 93—101.
15. Kupina N. A. Totalitarnyy yazyk: slovar' i recheveye reaktsii. — Ekaterinburg ; Perm', 1995.
16. Kuteneva T. A. Smyslovaya dinamika ideologem sovetskoy epokhi (ot ideologii, propagandy i agitatsii do piara) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2008.
17. Malysheva E. G. Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 4 (30). S. 32—40.
18. Nenashev M. F. Ilyuzii svobody. Rossiyskie SMI v epokhu peremen (1985—2009). URL: http://royallib.com/book/nenashev_mihail/illyuzii_svododi_rossiyskie_smi_v_e_pohu_peremen_1985_2009.html (data obrashcheniya: 21.08.2015).
19. Pocheptsov G. G. Psikhologicheskoe voyny. — M. ; Kiev : Refl-buk : Vakler, 2000.
20. Solopova O. A. Vrata gryadushchego: utopiya i real'nost'. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/solopova-07.htm> (data obrashcheniya: 19.08.2015).
21. Tsuladze A. M. Politicheskaya mifologiya. — M. : Eksmo, 2003.
22. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2012. URL: <http://znanium.com/bookread.php?book=490457> (data obrashcheniya: 30.03.2015).
23. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd, 2000.
24. Shcherbinina N. G. Politika i mif // Vestn. Mosk. un-ta. 1998. № 12. Mart — apr. S. 43—55.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.